

Из воспоминаний Смирнова Александра Петровича, младшего лейтенанта, техника оружейника 366-й стрелковой дивизии. 28 апреля 1981 г.

Смирнов Александр Петрович. Без даты.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 16, л. 2.

В начале августа 1941 года в Томске началось формирование новой стрелковой дивизии. Она была укомплектована сибиряками, главным образом томичами. Ей было вручено боевое знамя с надписью: 366 Стрелковая Дивизия.

В начале формирования этой дивизии, в 1941 году, я был зачислен в полк 12-18 старшим оружейным мастером. Этот полк находился в поселке Басандайка, а затем был отправлен на фронт.

И вот началась моя воинская служба.

Наш полк доехал до города Вологды и получил приказ произвести полную разгрузку эшелона 8 ноября 1941 года. Закончив разгрузку, полк тронулся вперед, несмотря на трудные климатические условия, и совершил 600-километровый ПЕШИЙ МАРШ.

8 января 1942 года наша дивизия вошла в состав войск 52-й армии Волховского фронта. Начались боевые действия против немецко-фашистских войск под городом Тихвином. Томичи вместе с другими советскими воинами проявили массовый героизм и волю к победе.

Были моменты, когда гитлеровцы окружали дивизию, однако уничтожить ее врагу не удалось. Несмотря на то, что мы были без продовольствия, сибиряки-томичи не сдавались и стояли насмерть.

17 марта 1942 г. 366-я стрелковая дивизия за проявленную отвагу в боевых действиях, за стойкость и мужество была преобразована в 19-ю гвардейскую. Мясной Бор, где томичи показали свои способности в первых боях, и был началом создания этой дивизии.

Сколько там осталось наших боевых товарищей, которые положили свои головы во имя победы. Этот Мясной Бор не забудется никому, кто участвовал в битве.

Мясной Бор состоял из многих населенных пунктов. Здесь, как я помню, находились деревни Малая Кересть, Глухая Кересть, Клепцы и многие другие, которых я теперь не помню.

Наш штаб находился в Пятилипах, а полк располагался в деревне Восход. В конце этой деревушки стоял небольшой домик, где была мастерская полка.

Немцы держали круговую оборону, а выход был один - Долина Смерти. Это мы так называли узкую дорогу, по которой днем ходить было опасно. По этой дороге нам доставляли оружие.

Моя должность была нелегкая. Я отвечал за то, чтобы все виды оружия и пулеметы работали, как часы, на передовой. Еще был парторгом, так что все время находился на передовой.

17 июня 1942 г. наша дивизия получила приказ выйти из Мясного Бора на отдых и пополнение, а я получил приказ от командира полка найти транспорт для вывозки оружия, собранного на поле боя.

26 июля противник окончательно закрыл промежуток Долины Смерти, и выхода больше не было. Положение сложилось очень опасное. Штаб дивизии находился еще в деревне. Чтобы не попасть в руки врага, нужно было во что бы то ни стало пробираться к своим. Со мной находились два оружейника, тов. Лузянин из г. Кирова и тов. Пузакин, кажется, из Кемеровской области, теперь точно не скажу, два Николая. Мы решили пробираться ночью к своим. Местность была болотистая и густой лес. Мы подобрали надежные автоматы и гранаты. 27 июля тронулись в путь. Вокруг нас были немцы. Мы подползли к немецким траншеям и, долго не думая, вскочили туда, уложили четырех немцев и побежали в болото, вправо от противника. Немцы открыли по нам огонь и стали запускать осветительные ракеты. Пробежав метров 50, рядом с нами взорвалась мина, от этого погиб Николай Пузакин. После взрыва мины, противник стал реже стрелять. Мы взяли своего товарища и несли его на себе, чтоб захоронить на сухом месте. Похоронили его под сосной. Затем стали пробираться дальше с тов. Н. Лузяниным. Стало уже светать, лес кончился. Мы вышли к берегу реки Волхов. Уже совсем рассвело. Вдруг видим, идет командир. Мы спросили у него, где вышла из окружения 19-я гвардейская дивизия. Он нам ответил, что какая-то дивизия находится на другом берегу реки, и показал переправу. Теперь все позади, мы у своих.

Переправа устроена при помощи каната. На берегу, около переправы мы встретили солдата, который дожидался своего командира. «Ну, что же, давайте переправляться», - сказал командир. Мы добрались уже до середины реки, как налетели бомбардировщики и стали бомбить

переправу. Мы не растерялись, прыгнули в воду и стали добираться до берега. Тяжело было плыть, все-таки мы были в боевом снаряжении, но мы доплыли. «Не везет нам с тобой, - сказал я Николаю Лузянину, - только высохли, и опять искупаться пришлось, но теперь обсохнем и пойдем добираться до своих».

Шли мы примерно километров пять. Мой начальник Манин Федор (отчество я его забыл, сам он из Новокузнецка, адрес у меня не сохранился) дал распоряжение для выдачи нам нового обмундирования и сказал, чтобы мы отдыхали и набирались сил. В полку нас не ждали, не думали, что мы выйдем из окружения, да еще эта переправа. Такого забыть нельзя.

Наш полк пополнился и снова наступление, теперь в другом направлении. Линия фронта под Синзявой. Передовая Синзявского фронта находилась в степи, леса нет. Первый батальон занял оборону, а остальные укрылись в кустарнике. А я решил со своими расположиться около сосны. Она была около нас одна. Если будут бомбить, то в первую очередь кустарники.

Мы окопались. И действительно противник бомбил те места, которые я предполагал. Но все эти бомбежки пока обходились без жертв. Меня вызвал командир и приказал проверить все огневые точки, так как немцы собирались идти в наступление.

Нужно было идти в ночь, часа в три. Дорога была под обстрелом, и нам приходилось даже ползти. Добрались до траншеи, где находился блиндаж комбата. Я стал докладывать комбату, что в его распоряжение прибыли два человека. Комбат сказал, что нужно быстро проверить огневые точки. И как только мы проверили, не успели даже доложить, как началось наступление немцев. На нас шли два танка, завязался бой.

Я подскочил к пулемету, где был ранен пулеметчик. Я взял в руки пулемет, и начал стрелять. Недалеко от меня загорелся танк. Второй танк повернул влево и вскоре тоже загорелся. Противник отступил.

Я нашел своего оружейника, он находился недалеко от меня, и пошли с ним в блиндаж комбата. Сели с Лузяниным, закурили и стали вспоминать родных, дом. В блиндаже никого не было. У нас была краюха хлеба, мы перекусили. И вдруг, в один миг, Лузянин Николай упал. Я бросился к нему. У него из головы кровь течет. Я сделал перевязку. В блиндаж зашла медсестра. Я стал объяснять ей, что в амбразуру попала пуля.

А вскоре в блиндаж заглянул боец и сказал, что комбат тяжело ранен. Сели мы в блиндаже с медсестрой и заплакали. Я рассказал ей, сколько мы с Лузяниным Николаем прошли боевых дорог, какую перенесли с ним муку при выходе из окружения, сколько всего делили пополам, советовались..., и вдруг в один миг не стало моего боевого товарища.

Сколько таких случаев было на фронте. Здесь и закипает ненависть к фашисту, отсюда и рождается этот героизм и подвиг советского солдата.

На Синзьявском направлении, в боях за Великие Луки, сколько пришлось увидеть и пережить. Этот город горел на протяжении месяца. Битва шла за каждый дом, за каждый этаж здания, вверху наши, внизу немцы. Ни дня без кровопролития. Да еще в городе крепость, где сила немецкая сосредоточена. Трудно было его оттуда взять. И даже тогда, когда город был окружен и наше командование предложило сдаваться, когда сопротивление уже бесполезно, немцы продолжали держаться в крепости. Мы взяли в плен 1700 человек только потому, что немцы были голодны, им неоткуда было ждать продовольствие. И сколько еще немцев каждый день выходило из подвалов, из разрушенных зданий, и так почти две недели. Город был освобожден.

Сколько приходилось пережить и на других направлениях фронта. Как ни пытался противник показать свою силу, сибиряки не сдавались. Отчаянно вели бои, не отступали ни шагу назад. И немцы не выдерживали. Были освобождены города: Рудня, Каунас, Духовщина.

Жестокими были сражения за город Витебск. У противника была сосредоточена огромная техника: и танки, и самолеты, и пушки. Но везде противник получал мощный отпор. Недаром немцы боялись сибиряков. Однажды, в одном из населенных пунктов, даже сбросил листовки с текстом, чтобы сибиряки сдавались, или их ждет смерть.

В ответ на эти листовки было подготовлено наступление. И вот рано утром наши пошли в наступление. Противник никак не ожидал этого. Бросив почти всю свою технику, он отступил. Но вскоре подтянул большую силу и пошел в наступление. Мне пришлось быть на передовой и участвовать в контратаках. В одной из них я был контужен, но в этих боях я много положил немцев. Помню, санитары подбирали нас, раненых, на поле боя и прятали в лощину от взрывов. Нам была оказана первая помощь. Находилось в этой лощине человек восемь. Вдруг подбегает к нам немец с автоматом в руках, и дал по нам очередь, а затем убежал. В живых осталось два человека. Нас отправили в госпиталь, меня в полевой, а второго в другой. Больше я с этим человеком не виделся.

После госпиталя я вернулся в свой полк. Но прошло немного времени и в одном из наступлений под городом Витебском, недалеко от меня разорвался снаряд, и я был ранен и контужен. Меня отправили в госпиталь. Это было в 1944 г. и больше я уже не вернулся в свою часть. После госпиталя я был не пригоден к строевой службе. А домой ошибочно послали похоронную.

А сколько брали деревень, сел, не пересчитаешь. Разве можно это все забыть. А сколько осталось наших боевых товарищей на поле боя. Какой ценой отвоевывалась каждая пядь нашей земли. Но мы вышли из этой кровопролитной войны победителями. Отстояли нашу прекрасную Родину. Пусть всегда будет чистое небо! Никогда больше не повторятся эти ужасы войны! [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 16, л. 8-11. Подлинник. Машинопись.